

ФРАКТАЛЫ В СТРУКТУРЕ ЮРИДИЧЕСКОГО И АДМИНИСТРАТИВНОГО ДИСКУРСА

© 2019 г. А. А. Гайдамакин

Омская академия МВД России

E-mail: gaydam_aa@mail.ru

Поступила в редакцию 17.08.2018 г.

Аннотация. Рассмотрены особенности социально-политической аргументации в условиях административного стиля управления. Показано, что в этом случае роль аргументации растет по мере обострения проблем администрирования, когда сохранение устойчивости нормативной системы в целом требует локальных нарушений отдельных норм. Высказано предположение о несоответствии реализованного в Российской Федерации механизма управления особенностям национальной культуры. Подчеркнут рекурсивный характер административного дискурса. Проведены аналогии с особенностями юридической аргументации, рассмотренными в работах Д. Кеннеди и Дж. Балкина.

Ключевые слова: схема аргументации, нормативная система, ошибки управления, контраргумент, национальный характер, рекурсия, фрактал.

Цитирование: Гайдамакин А.А. Фракталы в структуре юридического и административного дискурса // Государство и право. 2019. № 10. С. 181–187.

DOI: 10.31857/S013207690007200-2

FRACTALS IN STRUCTURE OF A LEGAL AND ADMINISTRATIVE DISCOURSE

© 2019 А. А. Gaydamakin

Omsk Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia

E-mail: gaydam_aa@mail.ru

Received 17.08.2018

Abstract. Features of the sociopolitical argument in the conditions of an administrative management style are considered. It is shown, that in this case the argument role grows with the aggravation of administrative problems, when preservation of stability of normative system as a whole demands local infringements of some norms. The hypothesis is stated, that the mechanism of management realised in Russia mismatches features of national culture. Recursive character of an administrative discourse is underlined. Analogies are made with the features of legal argumentation, considered in the works of D. Kennedy and J. Balkin.

Key words: scheme of argumentation, normative system, management errors, counterargument, national character, recursion, fractal.

For citation: Gaydamakin, A.A. (2019). Fractals in structure of a legal and administrative discourse // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 181–187.

Особенности национального управления во многих учреждениях проявляются в том, что отчеты за прошлое и планирование будущего порой не оставляют времени для настоящего. Несогласованность действий планирующих и контролирующих инстанций приводит к противоречиям, которые снова и снова заставляют задуматься о том, как быстро распространяются стиль и дефекты управления по вертикалям и горизонталям власти. Автор уже придумал название этому явлению — фрактализация. Ошибка верхов, волной пробегая по нижестоящим инстанциям, воспроизводится и порождает в них такие же волны, на мелководье доходя до конечного исполнителя в виде цунами; под их напором система управления не рушится только благодаря гибкости исполнителей и нарушению официальных предписаний. Для описания процесса распространения ошибок управления можно подобрать и другие, не менее живописные аналогии — цепная реакция, репликация дефектных генов в биологии (так, в последнее время часто говорят о «метастазах коррупции», имея в виду сходный механизм ее распространения) или воспроизведение дефектов кристаллической решетки при эпитаксиальном росте кристаллов. Автору, однако, больше нравится сравнение с фракталом — может быть потому, что среди фракталов выделяется класс самоподобных геометрических структур.

Алгоритм, формирующий такую структуру, не меняется при любом выборе фрагмента и его масштаба. Точно так же не меняется и логика обоснования решений в разных сферах деятельности и на разных уровнях иерархии. Например, чтобы максимально упростить процесс контроля, вышестоящими инстанциями повсеместно вводится система оценки деятельности объекта управления по формальным показателям (знаменитая «палочная система» вовсе не является исключительным достоянием полиции: правильное составление отчетов становится основным содержанием деятельности для работников сферы образования, коммунальных служб и др., заменяя собой живое дело). Чтобы упростить объект или структуру управления, сокращаются их элементы — так удаляются из образовательных программ «неудобные» учебные дисциплины, из официальной науки — «неудобные» для господствующей парадигмы факты, из законодательства — статьи отдельных нормативных правовых актов, из трудовых коллективов — работники. Чтобы упростить решение проблемы мотивации, административная система склонна эту проблему просто игнорировать на всех уровнях, предлагая работникам «голосовать ногами». Основной аргумент в пользу подобных простых решений — обеспечение эффективности управления. И каждый раз, будучи предъявлен в процессе спора, этот аргумент вызывает у оппонента типичный контраргумент о несправедливости такого решения, недоучете нюансов конкретной ситуации. Таким образом, достаточно полное описание ситуации требует рассмотрения обоих этих взаимодополняющих аргументов, которые вместе описывают некоторую диалектическую целостность подобно дополнительным характеристикам в квантовой физике. Однако при административном стиле управления аргумент вышестоящей инстанции является императивом.

Сами по себе и указанные выше, и другие простые управленческие решения, безусловно, имеют право на существование, а их множественная репликация является естественным проявлением свойств административного стиля управления. Проблема «цунами» возникает тогда, когда на каком-то этапе реализации властных указаний становится невозможной без нарушения законов логики, природы или общества. Так, существование противоречивых

инструкций или различное толкование некоторого термина в разное время или в разных местах одного и того же документа, очевидно, нарушает законы логики; выполнение работы, не обеспеченное ресурсами, невозможно в силу законов природы, равно как и требование выполнить ее «вчера»; а оформление выполненного задания «задним числом» противоречит, как минимум, правилам делопроизводства, как максимум, — содержит состав мошенничества. Во всех этих и других подобных случаях попытка нижестоящей инстанции найти выход из безвыходной ситуации приводит к фрактализации порочного способа действия, его трансляции на нижние уровни иерархии, что имеет следствием некачественное выполнение работы, подделку отчетности, дачу взятки, превышение полномочий и т. п. А поскольку ЛПР (лица, принимающие решение) не часто вникают в такие проблемы исполнителей, как ограниченные трудовые, материальные, психические, физиологические и временные ресурсы, условия для возникновения «цунами» и «фрактализации абсурда» сохраняются и, более того, даже поддерживаются системой, ведь часто в итоге, с точки зрения ЛПР, цель управления так или иначе достигается.

Очевидно, характер и последствия распространения дефектов управления в некой институциональной единице (предприятии, организации, государстве) зависят как от принятых формы и стиля управления, так и от способа обработки властных распоряжений, который используют исполнители. Последний до некоторой степени определяется характером исполнителя, а в случае государства — его национальным характером, ментальностью. Интересна в этом смысле диаграмма (рис. 1), построенная американскими исследователями¹. Диаграмма представляет характерные национальные механизмы управления, а ее оси отображают 1) программируемые данной культурой предпочтения (ценности) работников в процессе выполнения задачи и координации решений и 2) характерное отношение работников к типичному для данной культуры стилю (методам) управления, включая централизацию власти, степень формализма в коммуникации и глубину организационной иерархии. При построении диаграммы авторы используют два параметра модели Г. Хофстеде (из шести в оригинальной модели²). Первый показатель они характеризуют «индексом избегания неопределенности», который указывает, до какой степени культура программирует своих представителей чувствовать себя комфортно в нестандартных ситуациях; культуры, избегающие неопределенности, стараются свести к минимуму возможность таких ситуаций с помощью строгих правил, а также мер по обеспечению безопасности. Второй показатель — «индекс дистанцирования власти» — указывает на степень, в которой менее влиятельные члены организаций и учреждений готовы принимать тот факт, что власть распределена неравномерно.

На рис. 1 эдхократия (от *ad hoc*, т.е. специальный, для данного случая) — это модель организации, в которой текущие проблемы решаются специалистами в разных областях знаний, специально подобранными в рабочую группу для решения конкретной проблемы, т.е. это — власть под конкретный случай управления с адекватными

¹ См.: Horii T., Jin Y., Levitt R.E. Impact of Multiple Normative Systems on Organization Performance of International Joint Ventures // Proceedings of the Symposium on Normative Multi-agent Systems, 12–15 April, 2005. P. 62.

² См.: Хофстеде Г. Модель Хофстеде в контексте: параметры количественной характеристики культуры // Язык, коммуникация и социальная среда. 2014. № 12. С. 23.

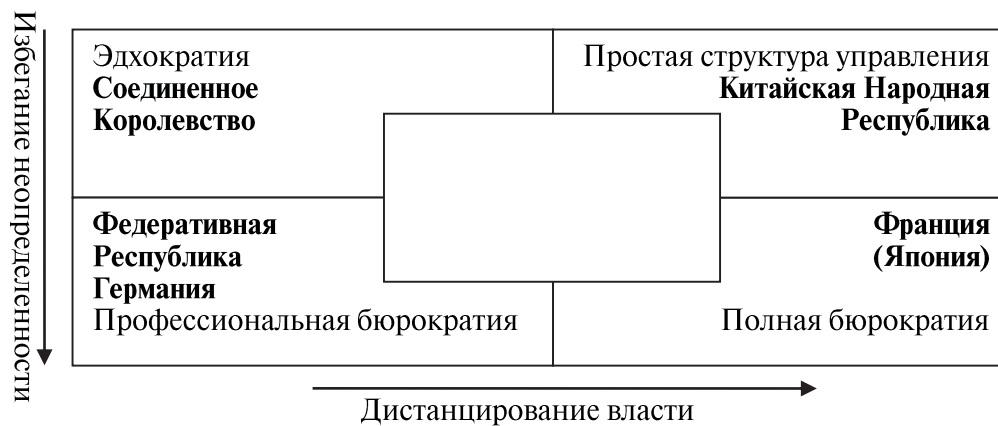

Рис. 1. Предпочтительный механизм управления

организационными механизмами управления. Модель профессиональной бюрократии (по М. Веберу) основана на формальных обезличенных правилах, разделении труда и иерархии. Полная бюрократия — это механистическая модель организации с жесткой иерархической властью, единоначалием и регламентацией, в которой вся ответственность лежит на руководителе.

Авторы исследования указывают то, что для эффективной работы нормативной системы необходимо соответствие между культурными ценностями и типичным стилем управления и формой организации. Поскольку объектом исследования было главным образом взаимодействие между американскими и японскими фирмами в рамках совместных проектов, Российская Федерация на этой диаграмме не представлена. Но где же ее место на этой диаграмме? Если патерналистские настроения живы в народе («вот приедет барин...»), это, видимо, свидетельствует о высоком индексе дистанцирования власти. Индекс избегания неопределенности установить сложнее, но если вспомнить наше знаменитое «авось» и тот факт, что поведение русского человека основано скорее на морали и обычае, чем на законе, то можно предположить, что этот индекс у нас невысок (на диаграмме это соответствует КНР) и требует простой структуры управления. В то же время правовая система Российской Федерации заимствована у государств с высоким значением этого индекса (на диаграмме — Французская Республика) и характеризуется как «полная бюрократия», что, возможно, и вызывает определенные проблемы в системе социального управления.

Здесь надо признаться, что умозрительно принятое нами невысокое значение индекса избегания неопределенности для отечественной культуры не соответствует данным, полученным Г. Хофстеде путем статистической обработки результатов опросов. По его данным, этот индекс для Российской Федерации близок к максимуму и равен 95 (в Европе больше только у Греции, Португалии и Бельгии)³. Возможно, для индентификации предпочтительной модели управления двух параметров модели недостаточно, и стоит учесть еще одно измерение Г. Хофстеде, например «коллективизм—индивидуализм» или «долгосрочная — краткосрочная

ориентированность». А возможно, причина в недостаточной репрезентативности опроса — ведь выводы о национальных системах ценностей Г. Хофстеде делал на основе обработки результатов весьма специфической выборки, а именно: служащих дочерних предприятий корпорации IBM. Если же принять результаты упомянутых исследований, приходится признать, что полная бюрократия — это наш естественный способ управления.

В области правового регулирования достоинством наличия нормативной системы, безусловно, является удобство применения и более высокая предсказуемость результатов, чем, например, при принятии решений на основе справедливости или прецедентов. В то же время такая система предъявляет повышенные требования к качеству работы законодательного органа, которое трудно обеспечить ввиду сложности и динамичности объекта регулирования — общественных отношений. Форма и отчасти стиль регулирования задают образец и воспроизводятся правовой системой на всех уровнях управления вместе с присущими им достоинствами и недостатками. Детальная регламентация в сочетании с жесткой иерархической структурой потенциально позволяет обеспечить оперативность управления и эффективное использование ресурсов, однако при этом система оказывается очень чувствительной к управленческим ошибкам, поскольку присущие социуму механизмы саморегуляции и самоорганизации недоиспользуются, включаясь лишь в аварийном режиме при приближении ранее упомянутого «цунами» (и разрешая противоречия часто ценой нарушения установленных системой норм). При этом возможности для дискуссии между различными уровнями управления весьма ограничены, а чиновники отучаются самостоятельно принимать решения и нести за них ответственность, предпочитая транслировать распоряжения чиновников более высокого уровня, находящихся, как правило, вне зоны ответственности. Перекося в сторону мелочной детализации, как писал М.А. Корф еще в 1862 г. накануне судебной реформы, оставляет за исполнителями «лишь труд механического, машинного применения, приучает их ожидать на малейшее недоразумение разрешения и указания свыше без всякого обращения к собственным умственным усилиям и из-за всего этого препятствует

³ См.: Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. Cultures and Organizations. Software of Mind / McGraw-Hill eBooks. 2010. P. 192. URL: <http://www.testtrain.info/download/Software%20of%20mind.pdf> (дата обращения: 16.08.2018).

Симметрическая оппозиция

Характер	Аргумент	Контраргумент
<i>этика</i>	ответчик должен соблюдать интересы истца	истец должен соблюдать свои собственные интересы
<i>права</i>	истец имеет право на безопасность от ущерба (данного вида)	ответчик имеет право на свободу действия (данного вида)
<i>полезность</i>	ответственность, возложенная на ответчика, будет препятствовать его полезной деятельности	иммунитет, предоставленный ответчику, будет препятствовать полезной деятельности истца
<i>полезность</i>	правовая защита плодов труда дает стимул производству	правовая защита запрещает конкуренцию на рынке товаров и идей
<i>ожидания</i>	предложенная норма защищает доверие (уверенность) истца	предложенная норма ограничивает ожидаемую ответчиком свободу действия
<i>управление</i>	предложенное решение обеспечит легкость управления	предложенное решение недостаточно гибко и справедливо
...	...	...

развитию всякой самостоятельности во взглядах и суждениях в низших инстанциях»⁴.

Такое положение дел отчасти объясняет тот факт, что в отечественной науке исследованию аргументации уделяется намного меньше внимания, чем в государствах общего права. Конечно, даже механическое применение нормы требует, как минимум, соответствующего обоснования ее выбора. Однако в условиях, когда культура дискуссии оказывается слабо востребованной административной системой, юридическая аргументация является не столько инструментом реального права, сколько инструментом обсуждения противоречивости законодательства в юридических журналах. Интересно, что формальные методы выявления перечисленных недостатков отечественного законодательства тоже не пользуются популярностью, хотя применительно к нормативным системам они уже достаточно разработаны. Например, Бельгия, имеющая близкий «индекс избегания неопределенности» (93–97 в Российской Федерации), лидирует в сфере электронного правосудия и правовых приложений методов искусственного интеллекта.

Между тем исследования показали, что юридическая аргументация действительно имеет повторяющуюся — т.е., можно сказать, фрактальную — структуру. Во всяком случае в отношении выбора используемой нормы права она одна и та же. Всякий раз, когда юристы обсуждают выбор нормы, они склонны использовать стереотипный набор аргументов «за» и «против». Д. Кеннеди в статье «Семиотика правовой аргументации»⁵ выделил эти стереотипные аргументы и опровергающие их парные аргументы, классифицировал их по характеру (этические, правовые, социальные защиты, ожидания, управления, компетентности) и типу операций, сгруппировал в кластеры и т.д. Ниже мы приведем некоторые из рассмотренных Д. Кеннеди парных аргументов, сгруппировав их в таблицы соответственно типу операций (под «операцией» здесь понимается некоторое

преобразование аргумента, изменяющее его значение без утраты связи с исходным высказыванием).

Симметрическая оппозиция — это наиболее строгая форма противопоставления двух правил, апеллирующих, соответственно, к точкам зрения истца и ответчика. Эту операцию, пишет Д. Кеннеди, «можно было бы назвать “хофельдовской”, а не “симметрической” оппозицией»⁶. Аргументы в каждой паре не являются независимыми, порождая они односторонние или неполные. Поэтому, например, обращение ответчика к праву на свободу действий, как правило, вызывает апелляцию истца к праву на безопасность. Аналогично ссылка ответчика на то, что возложение на него ответственности демотивирует его полезную для общества деятельность, каждый раз вызывает возражение истца, связанное с тем, что предоставление ответчику иммунитета (что, по Хофельду, эквивалентно отрицанию его ответственности) оказало бы столь же демотивирующее действие на собственную полезную деятельность истца. Поскольку обсуждения большинства правовых норм касаются вопроса расширения или ограничения привилегии причинить неустрашимый ущерб, то все аргументы, используемые в этих юридических дебатах, будут иметь общую структуру. Хотя эти противоборствующие аргументы вовсе не всегда одинаково убедительны, все же появление в юридическом дискурсе одного из них в непосредственной близости от другого «больше не кажется функцией непреодолимой особенности контекста, а скорее непосредственно следует из структуры юридической аргументации». Структура юридического спора становится, таким образом, отнюдь не ясной.

Как правило, аргументы этой группы используют двусмысленности таких ключевых понятий, как вина, причинная связь и добрая воля, чтобы полностью изменить версую оппонента.

Контридея отвергает основную идею аргумента противной стороны. В отличие от симметрической оппозиции, здесь нет смещения точки зрения, а есть прямая конфронтация.

⁴ Цит. по: Свод законов // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1890–1907. URL: www.vchi.net/brokgauz (дата обращения: 16.08.2018).

⁵ Kennedy D. A Semiotics of Legal Argument // Collected courses of the Academy of European Law, V. III. Book 2. P. 309–365.

⁶ О терминологической системе У. Хофельда см., напр.: Гайдамакин А.А. Уэсли Хофельд и аналитическая юриспруденция // Правоведение. 2012. № 3. С. 189–202.

Опровержение предпосылки (фактической или нормативной)

Характер	Аргумент	Контраргумент
<i>этика</i>	нет ответственности без вины	да, но вы виновны
<i>этика</i>	обещания должны быть выполнены	1) никто ничего не обещал 2) обещанное исполнено
<i>права</i>	истец имеет право на защиту от ущерба	1) да, но ущерб не был причинен 2) у истца нет такого права
<i>полезность</i>	ответственность, возложенная на ответчика, будет препятствовать его полезной деятельности	1) ответственность будет препятствовать полезной деятельности истца 2) деятельность ответчика нежелательна
<i>ожидания</i>	предложенное правило защищает доверие (уверенность) истца	предложенное правило ограничивает ожидаемую ответчиком свободу действия
<i>управление</i>	предложенное решение обеспечит легкость управления	предложенное решение не поддается контролю
...	...	...

Контридея

Характер	Аргумент	Контраргумент
<i>этика</i>	нет ответственности без вины	невинно пострадавшим должна быть выплачена компенсация
<i>этика</i>	обещания должны быть выполнены	только если неизменны обстоятельства
<i>компетенция</i>	суд должен применять закон, а не творить его	право развивается, реагируя на новые социальные условия
...	...	...

Посредничество

Характер	Аргумент	Контраргумент
<i>правило</i>	нет ответственности без вины	если обе стороны невиновны, пусть платит тот, кто нанес ущерб
<i>баланс</i>	обещания должны быть выполнены, только если неизменны обстоятельства	идея верности обязательствам будет подорвана, если люди будут рассматривать их в контекстном измерении
<i>баланс</i>	невинно пострадавшим должна быть выплачена компенсация	если обе стороны невиновны, проще оставить, как есть
<i>правило</i>	истец имеет право на безопасность от ущерба (данного вида)	обычное право истца должно уступить фундаментальному праву ответчика
<i>баланс</i>	ответственность будет препятствовать общественно полезной деятельности ответчика	деятельность истца полезна обществу, но не ответчику
<i>баланс</i>	предложенное решение недостаточно гибкое и справедливое	в данном случае преимущества от определенности решения перевесят недостаток гибкости
...	...	...

Смещение фокуса на поведение оппонента

Характер	Аргумент	Контраргумент
этика	нет ответственности без вины	убытки — это естественное следствие риска при занятии коммерцией
этика	невинно пострадавшим должна быть выплата на компенсация	истец, возможно, сам виноват
права	истец имеет право на безопасность от ущерба (данного вида)	в данном случае истец в результате своего поведения утратил это право
права	ответчик имеет право на свободу данного вида действий	в данном случае ответчик в результате своего поведения утратил эту свободу
баланс	ответственность будет препятствовать желательной деятельности ответчика	ответственность будет способствовать разумному поведению ответчика
управление	предложенное решение недостаточно гибкое и справедливое	1. это не важно, потому что стороны могут приспособиться к предложенному правилу 2. неспособность оппонента преодолеть формальности демонстрирует его неконкурентоспособность
...	...	...

Операция посредничества отличается тем, что признает конфликт требований и предлагает способ улаживания спора.

Операция *зеркального отражения* утверждает, что центральная идея аргумента оппонента приводит к результату, противоположному тому, который она предполагает. Например: «учреждение законных прав на экономическое преимущество будет препятствовать тому, чтобы ожесточенная конкуренция привела к монополии», «свобода заключения договоров приведет к переделу собственности и сделает беднее людей, которым вы пытаетесь помочь» или «нормы в данной области столь сложны и запутанны, что норма о равных правах скорее увеличит, а не уменьшит степень определенности». И наконец, *сдвигом уровня* Д. Кеннеди называет один из самых общих способов спорить, когда в ходе спора в качестве ответа на аргумент истца используется аргумент ответчика из другой пары (но из того же кластера, т.е. группы аргументов, релевантных имеющимся фактам, касающимся рассматриваемого спора).

Закономерность существования стандартных видов социально-политических аргументов «за и против» следует из семиотического характера юридических понятий. Аргументы приобретают свое значение не только через их отношение к парным аргументам, полученным из операций, но и через их отношение к другим аргументам кластера. Аргумент, признанный неубедительным в одном контексте, может выиграть в другом. Д. Кеннеди отмечает, что «игра аргумента и контраргумента ничего не улаживает (кроме текущего довода). В борьбе непосредственно между аргументами каждая схватка — ничья, и все воюющие стороны живы, чтобы вновь схватиться на другой день, не будучи ни дискредитированы ассоциацией с проигрывающей стороной, ни поддержаны ассоциацией с победителем. Вне специфического контекста никаких убийственных аргументов не существует».

Объяснения существования повторяющихся форм аргументации могут быть различны. Д. Кеннеди считает таковым фундаментальное противоречие между индивидуализмом и альтруизмом, т.е. противопоставление себя другому.

Дж. Балкин, также обративший внимание на повторение аргументации, в статье «Кристаллическая структура правовой мысли» в качестве фундаментального основания предлагает противопоставление интересов отдельного человека интересам общества в целом (индивидуализм и коммунизм)⁷, но вскоре отказывается от постулирования фундаментальных противоречий, применив идеи семиотики не только к самим аргументам, но и к фундаментальным понятиям: «мы не должны постулировать фактическое существование “фундаментального противоречия” в общественной жизни как причины рекуррентных форм юридической аргументации. Скорее “фундаментальное противоречие” является признаком порожденной культурой и исторически обусловленной системы различий, которая производит также кристаллическую структуру юридической аргументации»⁸. Однако, какими бы ни были причины существования повторяющихся форм аргументации, это существование объективно. В своей работе Дж. Балкин убедительно показывает, как на разных уровнях и в разных областях повторяются не только пары аргумент–контраргумент, которые он называет диадами, но часто и последовательность предъявления этих пар в ходе дискуссии. Заметим, что древовидные структуры, графически представляющие процесс аргументации, действительно напоминают один из первых известных геометрических фракталов — треугольник Серпинского. А поиск по бинарным деревьям можно реализовать в виде рекурсивной процедуры.

Вполне понятно, что объектом исследования Д. Кеннеди и Дж. Балкина являлись особенности аргументации прежде всего в судах общего права, но представляется, что стереотипный характер социально-политической аргументации характерен и для рассуждений юристов Российской Федерации. Сходны и сами аргументы. Нашей спецификой

⁷ См.: Balkin J.M. The Crystalline Structure of Legal Thought // Rutgers law review, 1986. V. 39. № 1. P. 2—103.

⁸ Balkin J.M. Hohfeldian Semiotics // Miami univ.: law review. 1990. V. 44. P. 1119—1142.

является лишь то, что дискуссии социально-политического характера реже ведутся на уровне судов, где речь обычно идет о выборе применяемой нормы, и чаще — на уровне законодательного органа, где аргументы победившей стороны в дальнейшем определяют формулировку нормы права. Поэтому тот факт, что нормы — это инструменты продвижения интереса победившей стороны, у нас даже более очевиден, и говорить о том, что закон вне политики, не приходится. В то же время нормы требуют не критичного принятия, подобно независимым и объективным фактам. По этой причине можно согласиться с Д. Кеннеди, который описывает правовое сознание европейских юристов как чередование цинизма и формализма⁹. И далее: это двойственное (точнее, имеющее два режима работы) правосознание распространяется на все уровни административной системы; оно ею порождается и ею поддерживается.

* * *

Рассуждая здесь о юридическом и административном цинизме, мы не собираемся давать ему какую-либо нравственную оценку. Думается, можно даже утверждать, что некоторая доля цинизма оказывается необходимой административной системе, чтобы при механическом управлении с помощью формальных норм придать ей определенную гибкость: для сохранения гомеостаза при необходимости включается «циничный режим», где формальные нормы «слегка нарушаются». Далее следует перезагрузка — и все снова движется формально в рамках установленных норм. Именно на этом корректирующем этапе социально-политическая аргументация имеет определяющее значение и проявляет описанный выше фрактальный (стереотипный, кристаллический, рекуррентный) характер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гайдамакин А.А. Уэсли Хофельд и аналитическая юриспруденция // Правоведение. 2012. № 3. С. 189–202.
2. Свод законов // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1890–1907. URL: www.vehi.net/brokgauz (дата обращения: 16.08.2018).
3. Хофстеде Г. Модель Хофстеде в контексте: параметры количественной характеристики культур // Язык, коммуникации и социальная среда. 2014. № 12. С. 23.

⁹ У американцев, по Кеннеди, между цинизмом и формализмом присутствует еще область, где преобладают естественное право или нормативное сознание (см.: Kennedy D. Op. cit. P. 318).

Сведения об авторе

ГАЙДАМАКИН Андрей Андреевич — кандидат технических наук, доцент, заместитель начальника кафедры информационных технологий в деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России; 644092 г. Омск, ул. Комарова, д. 7

4. Balkin J.M. Hohfeldian Semiotics // Miami univ.: law review. 1990. V. 44. P. 1119–1142.
5. Balkin J.M. The Crystalline Structure of Legal Thought // Rutgers law review, 1986. V. 39. № 1. P. 2–103.
6. Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. Cultures and Organizations. Software of Mind / McGraw-Hill eBooks. 2010. P. 192. URL: <http://www.testrain.info/download/Software%20of%20mind.pdf> (дата обращения: 16.08.2018).
7. Horii T., Jin Y., Levitt R.E. Impact of Multiple Normative Systems On Organization Performance of International Joint Ventures // Proceedings of the Symposium on Normative Multi-agent Systems, 12–15 April, 2005. P. 62.
8. Kennedy D. A Semiotics of Legal Argument // Collected courses of the Academy of European Law, V. III. Book 2. P. 309–365.

REFERENCES

1. Gaydamakin A.A. Wesley Hofeld and analytical jurisprudence // Pravovedenie. 2012. No. 3. P. 189–202 (in Russ.).
2. Code of laws // Encyclopedic dictionary of F.A. Brockhaus and I.A. Efron. SPb., 1890–1907. URL: www.vehi.net/brokgauz (accessed: 16.08.2018) (in Russ.).
3. Hofstede G. Hofstede Model in context: parameters of quantitative characteristics of cultures // Language, communication and social environment. 2014. No. 12. P. 23 (in Russ.).
4. Balkin J.M. Hohfeldian Semiotics // Miami univ.: law review. 1990. V. 44. P. 1119–1142.
5. Balkin J.M. The Crystalline Structure of Legal Thought // Rutgers law review, 1986. V. 39. № 1. P. 2–103.
6. Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. Cultures and Organizations. Software of Mind / McGraw-Hill eBooks. 2010. P. 192. URL: <http://www.testrain.info/download/Software%20of%20mind.pdf> (accessed: 16.08.2018).
7. Horii T., Jin Y., Levitt R.E. Impact of Multiple Normative Systems on Organization Performance of International Joint Ventures // Proceedings of the Symposium on Normative Multi-agent Systems, 12–15 April, 2005. P. 62.
8. Kennedy D. A Semiotics of Legal Argument // Collected courses of the Academy of European Law, V. III. Book 2. P. 309–365.

Authors' information

GAYDAMAKIN Andrey A. — candidate of technical Sciences, associate Professor, Deputy head of the Department of information technology in the activities of the internal Affairs of the Omsk Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia; 7 Komarova street, 644092 Omsk, Russia